

З.М. Кобозева, Е.В. Алексеенко

**«ПЛАВУЧИЙ МАГАЗИН – НЕ БОГАДЕЛЬНЯ»:
БУДНИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА ЭПОХИ ТОРГСИНА**

© Кобозева Зоя Михаловна – доктор исторических наук, профессор исторического факультета, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: zoza_kobozeva@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

© Алексеенко Елена Вячеславовна – магистрант исторического факультета, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: elenaalekseenko163@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5017-1877>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется один из векторов трансформации городского сословия дореволюционной России, мещанства, в новые социальные страты советского общества через тексты повседневного поведения горожан в эпоху поворота государственной политики к вещизму в середине 1930-х годов, произошедшего в связи с необходимостью проведения индустриализации и получения средств на нее. Анализируется контаминация понятий: мещанства как названия городского сословия и мещанства как качественной характеристики души, то есть этической категории. Следуя логике исторического построения «снизу», изучаются повседневные практики городского населения, сформированные деятельностью в Самаре филиалов Торгсина, которые можно определить как «мещанские». Микроуровневый подход используется для того, чтобы показать, как в конкретном историческом явлении, в частности в деятельности Торгсина, происходит возвращение к привычным практикам городской торговли, связанным с ними практикам обмана, спекуляции, как в советской повседневности начинает свою «историческую судьбу» слово «блат», как власть вынуждает маленького человека города добывать себе комфорт, используя такие лазейки, как посылки и переводы из-за границы или сдача семейных реликвий. Анекдотичность и литературность повседневности заключена в таком микрособытии, как проломленный потолок магазина, из которого можно похитить товар. Но степень серьезности преступления, как и масштаб исторического факта, – лишь еще одна грань исторического исследования, в чей «объектив» должны входить как институциональные события, так и мельчайшие поведенческие практики.

Источниковую базу работы составили архивные документы из фондов ЦГАСО.

Цель исследования состоит в изучении особенностей трансформации социальной мещанской повседневности русского провинциального города в первые годы советской власти, в частности в ситуации влияния на городскую повседневность практик, вызванных учреждением Торгсина.

Сделан вывод, что в ситуации, когда «сверху» происходило временное отступление от социалистического строительства в сторону допущения в повседневность советских людей «мелкобуржуазных» текстов поведения, «снизу» бывшая мещанская торговая среда города начинала использовать эту ситуацию для того, чтобы сделать свой повседневный мир комфортнее, что в мифологии новой социалистической этики получило название «мещанство» и «обывательщина».

Ключевые слова: Торгсин, мещанство, вещизм, обывательщина, повседневность, советский город, социальная история, культурная история, валютные операции, ОГПУ, торговля, магазин.

Цитирование. Кобозева З.М., Алексеенко Е.В. «Плавучий магазин – не богадельня»: будни советского города эпохи Торгсина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54>.



DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54
UDC 94(47)084.2

Submitted: 22/IX/2019
Accepted: 27/X/2019

Z.M. Kobozeva, E.V. Alekseenko

**«FLOATING WAREHOUSE IS NOT A POORHOUSE»:
WEEKDAYS OF A SOVIET CITY IN A TIME OF TORGSIIN**

© Kobozeva Zoya Mikhailovna – Doctor of Historical Sciences, professor of the Faculty of History, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4080-8349>

© Alekseenko Elena Vyacheslavovna – Master of Historical Sciences, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: elenaalekseenko163@yandex. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5017-1877>

ABSTRACT

The article analyzes one of the vectors of transformation of the urban estate of pre-revolutionary Russia, petty bourgeoisie into new social strata of Soviet society through the texts of everyday behavior of citizens in the era of the turn of state policy to materialism in the mid – 1930-ies, which occurred in connection with the need for industrialization and obtaining funds for it. The article analyzes the contamination of concepts: petty-bourgeois as the name of the urban class and petty-bourgeois as a qualitative characteristic of the soul, that is, an ethical category. Following the logic of historical construction «from below», the daily practices of the urban population, formed by the activities of the branches of Torgsin in Samara, which can be defined as «petty-bourgeois», are studied. The micro-level approach is used to show how in a particular historical phenomenon, in particular, in the activities of Torgsin, there is a return to the usual practices of urban trade, the associated practices of deception, speculation, as in Soviet everyday life begins its «historical destiny» the word «blat», as the government forces the little man of the city to get comfort, using loopholes such as parcels and transfers from abroad or the surrender of family heirlooms. Anecdotal and literary everyday life lies in such a micro-event, as a broken ceiling of the store, from which you can steal the goods. But the seriousness of the crime, as well as the scale of the historical fact- is only one more facet of historical research, in whose «lens» should include both institutional events and the smallest behavioral practices.

The sources of this work are archival documents from the funds of TSGASO.

The aim of the study is to study the peculiarities of transformation of the social petty-bourgeois everyday life of the Russian provincial city in the first years of the Soviet power, in particular, in the situation of influence on the urban daily life of practices caused by the establishment of Torgsin.

It is concluded that in a situation where «from above» there was a temporary retreat from socialist construction towards the admission of «petty-bourgeois» texts of behavior into the daily life of Soviet people, «from below» the former petty-bourgeois commercial environment of the city began to use this situation to make its everyday world more comfortable, which in the mythology of the new socialist ethics was called «meschanstvo» and «obyvatel'schina».

Key words: Torgsin, petty bourgeoisie, materialism, everyday life, Soviet city, social history, cultural history, currency operations, OGPU, trade, shop.

Citation. Kobozeva Z.M., Alekseenko E.V. «Plavuchii magazin – ne bogadel'nya»: budni sovetskogo goroda epokhi Torgsina [«Floating warehouse is not a poorhouse»: weekdays of a Soviet city in a time of Torgsin]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 47–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-47-54> [in Russian].

Введение

Исследования повседневной жизни мещанского сословия русских городов в дореволюционный период показали, что существовала много-слойная общественная жизнь, или, вернее, многовекторная общественная жизнь русского города [Кобозева 2013; Кобозева 2014]. С позиций закона, эта жизнь протекала по сословиям. Для каждого сословия в городе была отведена своя ниша, свой набор прав и обязанностей. Так как мещане представляли собой самое большое городское сословие, мы не можем игнорировать их роль в жизни города. Но русская история весьма своеобраз-

на. Просвещенная власть с XVIII столетия начинает формировать русскую жизнь по образцу западноевропейской. Но просвещенная элита, культурная элита страны, получив и усвоив эту «прививку» западноевропейской культуры, создает мощную антибюргерскую, антиобывательскую, антимищанскую рефлексию, которая, распустившись прекрасно в XIX столетии в реалистическом искусстве, принесла свои плоды: мещанское сословие стало при жизни «забытым сословием» русских городов. При этом оно существовало в социальной жизни страны, в законодательстве, а в культуре и в политической жизни – его как буд-

то бы не было. Мещанство игнорировалось. Как игнорировался и «средний класс» как таковой, с его особой картиной мира, этикой и эстетикой. Л.В. Кошман вообще считает, что в России перед революцией «не сложились условия для появления среднего класса, составляющего “ядро общества”, способное нивелировать социальные крайности и создавать необходимую стабильность» [Кошман 2018, с. 16]. Нам же видится, что средний класс в России существовал, но был сокрыт «демиургами т. н. “высокой” культуры» под до предела мифологизированным знаком «мещанства» [Аккуратов 2002, с. 131]. И вот происходит революция 1917 года. Никуда не девшееся за один октябрь месяц самое большое сословие русских городов остается в этих русских городах. Но сословий отныне нет. Они отменены. Есть классы нового общества. Но куда, к какому классу приписать большинство городского населения? Вопросами «приписывания к классу» замечательно занимается американская исследовательница Шейла Фицпатрик [Фицпатрик 2011, с. 33]. Интересно, что мещанство снова оказывается неудобным и враждебным уже для новой советской культуры, которая начинает вести борьбу с ним как с качественной характеристикой души. Классовое презрение к мелкой буржуазии становится частью государственной идеологии: «в подновленном “советском” мифе о мещанстве, как в кривом зеркале, в гиперболизированном виде предстали черты “предыдущего” мифа... обыватель все так же выглядел как мелкий буржуа, собственник с мелочными интересами, человек, живущий только ради пополнения семейного бюджета... антимещанство нашло прекрасную почву в общинно-эгалитаристском сознании крестьянства и рабочего класса советского общества» [Аккуратов 2002, с. 133]. А под эти мещанством скрывались на самом деле не какие-нибудь одиозные личности, исключения, меньшинство, а оставшееся, неубитое, неистребленное, сохранившееся на своих местах, в своих городах вчерашнее самое большое городское сословие. До революции были не в фаворе, после революции – опять не нашли себе места в новой модели общества. Что же делать? И тогда, и сейчас люди этой социальной среды были не по душе тонко чувствующей все несправедливости мира интеллигенции из-за своей мирной (или обывательской?) позиции. Поторговать бы, выжить, дома чтобы все было хорошо и уютно, насколько позволяют средства. И мещане снова, пользуясь своей «забытостью», «ложатся на дно». Они есть, но их как будто бы нет. Потому что теперь есть пролетариат, недобитые всякие «бывшие», крестьяне, приехавшие в город. Как точно отметил в своем выступлении перед судебными работниками в Уфе в марте 1934 г. нарком юстиции Н.В. Крыленко: «Помещичий класс есть или нет? Нет, уничтожен, разбит. Капиталисты? Нет, разбиты, уничтожены. Торговцы? Уничтожены. Где же классы? Как будто нет! Ошибка! Трижды ошибка! Классов нет... А люди есть, они остались... Мы

их физически не уничтожали, и они остались со всеми их классовыми симпатиями, антипатиями, традициями, навыками, взглядами, воззрениями и т. д.». Поэтому особенную тревогу у большевиков вызывала опасность «обуржуазивания своих кадров» и «мещанства», которое в «глазах коммунистической молодежи... являлось антонимом всего пролетарского, революционного...», представляло «деспотические, патриархальные, узко-традиционные взгляды на секс, брак и семью...». Как писал А. Фадеев: «Мы живем в Стране Советов, и стыдно бы нам было походить на мещан». Сами представители чуждого пролетариату сословия нередко скрывали свою социальную идентичность или изобретали новую, хотя нередко внешность и манеры ставили ее под сомнение.

Игнорировать городское население с дореволюционными корнями не представляется возможным. Они же не убежали из страны, как богатые купцы и дворяне. И не сгнули, оставшись, от рук новой власти. Они остались. Но где они, мещане постсословного периода? Их можно обнаруживать и выхватывать из новой постреволюционной городской истории, только занимаясь какими-нибудь узкими вопросами жизни города. Один из таких «микроскопов», позволяющий рассмотреть практики существования мещан в новых условиях, – Торгсин, который, подобно нэпу, заставил обывателя воспрянуть и обнаружить привычные тактики и стратегии повседневного существования, то есть всего того, что великий пролетарский поэт В. Маяковский называл «мурло мещанина»: *Утихомирились бури революционных лон / Подернулась тиной советская мещанина / И вылезло из-за спины РСФСР / Мурло мещанина / (Меня не поймайте на слове, / Я вовсе не против мещанского сословия. / Мещанам без различия классов и сословий / Мое славословие* [Маяковский 1956, с. 73].

Практики повседневной жизни провинциального города, вызванные Торгсином

«Торгсин» был создан в 1930 году. Вокруг этого учреждения начинают создаваться повседневные практики горожан. Под словом «практика» мы понимаем тоже, что и А. Людтке: «...поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (выживания)» [Людтке 2010, с. 58]. Вчерашний мещанин, привыкший к практикам городского торгового города, особенно в таком живущем торговлей городе, как Самара, стал вырабатывать (вернее, искать, выживая в новых условиях) возможности «диалога» с этим новым учреждением.

Первоначально правительство запрещало советским гражданам покупать товары в Торгсине. Валюта у советских граждан была. Как пишет исследователь Торгсина Е.А. Осокина, «она лежала в кубышках, оставшись от царского времени, нелегальной торговли времен Гражданской войны и валютных операций нэпа. Валюта продолжала поступать из-за границы контрабандой... от родственников и друзей за границей, вложен-

ная в письма и посылки. «Черный рынок» служил главным механизмом перераспределения и растекания валюты внутри страны» [Осокина 2009, с. 25]. В ответ на это происходила силовая валютная интервенция, репрессии против «держателей валюты» [Осокина 2009, с. 38]. Однако власти нужно было собрать с населения и другие ценности, золото. Золото носили все. В 1931 г. Наркомфин разрешил Торгсину принимать монеты царской чеканки в уплату за товары. После этого разрешили сдавать в Торгсин бытовое золото в обмен на дефицитные товары [Осокина 2009, с. 40].

Несмотря на значительный пласт современных исторических исследований, посвященных советской повседневности, этот ракурс жизни по-прежнему остается «залит светом торжествующей пропаганды», «покрыт толстым слоем лака», как образно, правда применительно к более позднему периоду, замечает в своей работе о «городе М» О.Л. Лейбович [Лейбович 2009, с. 5]. Одна часть страны строила коммунизм, боролась с врагами, а другая – торговала на черном рынке и шила наряды у портних. «В городе процветал черный рынок; там продавалось или обменивалось то, что перепало населению от предприятий, было украдено в колхозах или было добыто благодаря родственным связям» [Кухер 2012, с. 61]. Самару, конечно, нельзя было сравнить с Одессой 1920-х гг. с ее достигшей невероятного размаха бандитско-хулиганской повседневностью [Савченко 2012, с. 263–281], но влияние нэпа на повседневность ощущалось и после его свертывания, вызывая невероятное многообразие несоветских практик приспособления обывателя к советской жизни.

В 1921 г. В.И. Ленин настаивал на решительном бое «с мелкобуржуазной стихией у себя дома» [Ленин 1970, с. 140]. Но население советских городов не хотело опускаться в нищенство и оборванство. Город одевался, как мог. Ел, как мог. Жил, как мог. Даже мода разрывалась в 1930-е гг. между «большим стилем» номенклатуры и элементами криминальной моды [Лебина 2015, с. 164].

В 1932 г. отделение самарского Торгсина констатировало срыв валютного плана (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Чтобы справиться со своими задачами, в декабре 1932 г. Крайконтора приступила к развертыванию торговой сети Торгсина по Средней Волге. В январе 1933 г. действовало 13 торговых единиц (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Пока, с одной стороны, советская власть боролась с торгашеством, с другой стороны, филиалы Торгсина искали особые кадры для работы в своих точках: оценщиков-приемщиков (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 2). Кто мог подходить для такой работы? Как правило, не представители рабочего класса. А все та же городская торгующая среда, умеющая приспосабливаться к разным эпохам и разным общественно-экономическим формациям, знакомая с практиками торговли. Самарский филиал Торгсина взволнованно докладывал о хищениях, злоупотреблениях с ценностями, недо-

стачах (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3). Оценщики Торгсина вообще сгубили много антикварного серебра, сваливая его в одну кучу с простым, так как низкая квалификация этих кадров не позволяла определять ценность предметов [Осокина 2009, с. 123]. В отчетах в основном указывается: «серебро – лом» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 6). Но время было такое, что рядовым советским горожанам было не до антиквариата и семейных реликвий, лишь бы выжить.

Людям в любые эпохи для комфортности жизни необходимо самое основное, это основное и предлагал Торгсин в обмен на валюту и золото: муку, крупу, сахар, масло растительное, обувь, сапоги, трикотажные товары, хозпосуду (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 4). Почему-то в продаже в универмагах Торгсина залеживались меховые и резиновые ботинки. Может быть, потому, что цена на них была чрезмерно высока для обнищавшего городского населения: полуботинки стоили 56–72 рубля (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). Еще дороже стоило готовое платье – 90–120 рублей (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). Если отдавать шить, то торгсиновский крепдешин можно было купить по 12–18 рублей за метр, тогда наряд обходился немного дешевле (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). Галоши резиновые можно было приобрести за 10–15 рублей; меховое пальто – за 500–600 рублей; зеркала туалетные – за 50–11 рублей (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об.). За простым перечислением товаров, завозимых в универмаги Торгсина, стоит повседневность первых лет советской власти, пытавшая сохранить элементарный комфорт жизни, не шикарное что-то, а просто милое и комфортное, то, что и называли «мещанством» или «мещанским вкусом»: дешевенький комфорт города, что было сравнимо просто с элементарным теплом в доме, с теплом в жизни. Или, как это называет Е. Осокина, «безделицы благополучной жизни» [Осокина 2009, с. 204]. Как бы долгие десятилетия марксистско-ленинской историографии ни приучали историков пренебрежительно относиться к «мелкотемью», именно в пространстве «мелкотемья» обнаруживаются выразительные маркеры эпохи. Перед тем как Торгсин стал обслуживать и советских граждан, его магазины не открывались на центральных улицах, не велась широкая реклама, гражданам не разрешалось даже заходить в эти магазины, чтобы не искушать. Ни с чем не борются те или иные идеологические системы просто так. И с мещанством боролись не просто так. А именно потому, что это мещанство было глубоко заложено в душах горожан как символ хорошей городской жизни в отличие от тяжелой крестьянской. Изобретательность повседневных практик советских горожан не знала пределов, и в универмаги Торгсина просачивались спекулянты.

С 1930-х годов сеть торгсиновских магазинов покрыла всю страну, «подлинная история (Торгсина) началась тогда, когда Торгсин открыл две-

ри советскому покупателю» [Осокина 2009, с. 49]. Вокруг была несытая жизнь снова после временного благополучия городской жизни эпохи нэпа. В Торгсин несли все ценное, что имели. «Торгсину разрешалось принимать только валюту и золото, но голодные несли серебро, бриллианты, изумруды, картины, статуэтки» [Осокина 2009, с. 50]. И с 1932 г. правительство разрешило Торгсину принимать серебро, а с 1933 г. – бриллианты, платину, позднее – антиквариат и произведения искусства [Осокина 2009, с. 50]. Так как с апреля 1932 г. появился первый пятилетний план работы Торгсина на 1933–1937 гг., то Средне-Волжская контора, находящаяся в Самаре, старалась изо всех сил выполнить этот план. Но наткнулась на противодействие местных властей. Управляющий самарской конторой А. Мерзоев докладывал в апреле 1933 г. «лично Председателю в/о Торгсин т. Сташевскому: С первых дней моей работы в Самаре нет ни одного дня, чтобы я не встречал тормозов в своей работе и излишних дерганий, так как до сих пор по ряду причин субъективного порядка (свойственных только Самаре) отдельные товарищи из разных организаций недостаточно вникают в мои просьбы...», а именно: в «1. Вопрос помещений; Вопрос кадров... Мне прямо задали вопрос: а что именно, кроме арендной платы, ТОРГСИН даст городу? Мои указания, что ТОРГСИН создает ценности для всего Союза, в том числе и для Самары, что план и реализация являются фактически экспортным... не учитывались» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 8. Л. 9).

Действительно, руководству Торгсина на местах приходилось иметь дело и с партийными начальниками, и с собственным неквалифицированным персоналом, нарушающим всякие правила. Для этого создавались инвентаризационные комиссии. Но и для работы комиссий нужны были специалисты, а их не было. В заключении по результатам инвентаризации крайбазы на 28.03.33 отмечалось, что «работа инвентаризационной комиссии проводилась без должного контроля и при отсутствии нужных специалистов, в результате чего ряд товаров совершенно учтены не были... таких как текстиль, суконно-шерстяные и вина – перепутаны артикулы; неоформленную полочку кондитерских изделий из Сызрани считаю халатностью Завбазой...; равным образом и в части копченостей, колбасы и масла – халатность» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 12). При инвентаризации магазина № 1 были обнаружены манная крупа в количестве 344 кг на сумму 137 рублей 60 копеек, которая от долгого хранения имела уже «остро затхлый запах» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 14). Ставший во главе самарского Торгсина А. Мерзоев писал во все инстанции письма, докладывая о халатности прежнего руководства, злоупотреблениях работников Торгсина (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 15). Из этих писем видно, что предлагали магазины Торгсина жителям Самары: «хлебо-фуражные продукты, обувно-одежные

товары; кустарно-художественные товары» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 29).

Интересно, что товарищ с активной позицией, А. Мерзоев, пишет и пишет руководству о нежелании разных самарских структур власти содействовать деятельности Торгсина, о «саботажах» в адрес лично его, Мерзоева. Что показательно, в письме некоему Артуру Карловичу Мерзоев упоминает слово «блат», рассказывая о дефицитных товарах, получаемых без бухгалтерского оформления (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 69). И «страсти Мерзоева» заканчивает письмо заведующему плавающим магазином товарищу Карсалову, в котором Мерзоев рождает просто поэтический лозунг: «Плавающий магазин – не богадельня!»; «Вам нужно напрягаться из всех сил для выполнения плана, а вы вместо того, чтобы мобилизовать все силы всего коллектива, стоящего нам больших денег, отпускали его на заработки на стороне – катание на лодке за плату посторонних граждан» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 104). Вот эта деталь, заработок на стороне в виде платного катания на лодке, принадлежащей плавающему магазину Торгсина, характеризует то, что А. Людтке называет *Eigen-sinn*, «своенравное упрямство», подразумевая под этим «отстаивание работником определенной атмосферы на рабочем месте», «не мытьем, так катаньем», «валяние дурака», «ниши» в порядках [Людтке 2010, с. 19]. Это тоже повседневные практики выживания «маленького человека» в экстремальных условиях социалистического конструирования нового порядка «сверху».

Неблагонадежность вокруг магазинов Торгсина, как внутри в коллективах сотрудников, так и вне, в кругах валютчиков и спекулянтов, толпившихся вокруг них, ощущалась в Самарском крае повсеместно, чем занималось уже ОГПУ, заводя дела «на заведующего магазином в Чапаевске: о неблагонадежности в отношении материального доверия» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4. Л. 2). Однако не так уж и трудно было ограбить магазин Торгсина, достаточно было всего лишь проломить потолок, что и было сделано на станции Инза в ночь с 28 на 29 апреля (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4. Л. 20).

Население в 1933 г. прочувствовало всю прелесть магазинов Торгсина для приобретения там товаров, так необходимых для «мещанской» жизни, то есть для нормальной жизни. У людей в «кубышках» находилась не только привычная валюта европейских государств и США, но и монгольские тугрики, упоминаемые в источниках как «тухрики». Никто толком не имел опыта работы с валютой. В 1933 г. в Самаре не смогли выдать сдачу со 100 франков, так как не были приписаны к кассе Госбанка (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 13. Л. 5). Кроме того, сообщалось: «Все неотоваренные ТОРГСИНом переводы МОНГОЛБАНКа, выставленные в долларах или монгольских тухриках, подлежат оплате путем перечисления на ТОРГСИН» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 13. Л. 25).

Магазины Торгсина открывались и в селах Самарского края, о чем в переписке так и говорилось, как о «скорейшей выкачке ценностей» из населения (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 73). «В районном центре в селе... открыт магазин ТОРГСИН, имеющий серьезное значение в деле выполнения валютного плана по мобилизации у населения золота и серебра в монетах царской чеканки и иностранной валюте» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 23). Все, что тогда было проделано с населением с помощью Торгсина, как справедливо отмечает в своем исследовании Е. Осокина, привело к тому, что «общество материально опростилось» [Осокина 2009, с. 85], у него просто изъяли все ценности и переплавили, все семейные реликвии. Семейные реликвии были не только у дворян, но и у городских сословий в дореволюционный период. «...от прежних времен... сохранился реликтовый средний класс. Статус среднего класса определялся в немалой степени и материальными ценностями, остатками прежнего благополучия в семейном владении. Изъятие ценностей через Торгсин еще более нивелировало общество, опустило его к бедности и в этом смысле было новым ударом по среднему классу, сохранившемуся от прежних времен. Социалистическому обществу предстояло создавать свой средний класс» [Осокина 2009, с. 86]. Одни их потеряли, другие – приобрели в результате черных рынков, спекуляций и прочей важной части городской повседневности, которая, как правило, игнорируется официальной исторической наукой и официальной нравственностью.

Особая часть жизни горожан была связана с валютными переводами из-за границы. Валютная помощь от родственников поступала как до революции, так и после. Но с 1920-х годов государство стало «зажимать» валютные выплаты населению [Осокина 2009, с. 147]. Выход подсказали голод 1930-х и Торгсин: родственники в ответ на мольбы о помощи посылали валюту из-за границы, а советские люди получали не валюту, а боны Торгсина, чтобы отоваривать их в торгсиновских магазинах. Но вокруг этих валютных переводов сразу же стали возникать опасные для населения ситуации: «Сегодня в универмаг явился гражданин Фаст Яков Абрамович (по национальности немец) из поселка Мариенталь Кошкинского района за получением заграничного перевода на его имя в сумме 8 американских долларов, или 15 рублей 45 коп. При разговоре с таковым случайно выяснено, что он якобы был свидетелем при задержании (в качестве задержанного) лица получившего перевод из-за границы на сумму 500 долларов как наследство, оставшееся после смерти родственника, живущего за границей. И по его объяснению этот человек был арестован милицией в Кошках и сидит до настоящего времени. Кроме того, по заявлению гражданина Фаст видно, что будто бы в настоящее время идет пропаганда среди населения, чтобы они писали за границу, чтобы не

посылали оттуда переводы на ТОРГСИН, опасаясь быть преследованными. Из дальнейших разговоров с товарищем Фаст выяснено, что лицо, которое арестовано милицией Кошкинского района, является гражданином Родэ Юлиусом Андреевичем, происходящим из граждан немецких колоний Кошкинского района... Из наводящихся справок было установлено, что гражданином Родэ 14 октября было сдано на счет в Госбанке 30 американских долларов, на которые было взято из универмага ТОРГСИН 91 кг сахара на сумму 45 р. 50 коп. и на 12 р. 70 коп. – 2 одеяла, 5 кг перца, 4 кг гречневой крупы, 100 гр чая и 2 куски мыла и 1 кг карамели... Это самое лицо арестовывают в Кошках органами милиции, при каких обстоятельствах – нам неизвестно» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 75. Л. 75 об.). Везде среди населения ползли слухи («В настоящее время темными личностями ведется усиленная агитация и пропаганда среди населения как в городе, так и в деревне против ТОРГСИН») о том, что «ловят сдатчиков золота и после отправляют в Самару через органы ОГПУ» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 75. Л. 75 об.). «Аресты покупателей в Торгсинах органами ОГПУ/НКВД, которые охотились за ценными сбережениями граждан, превращали рутинный поход в магазин в опасное предприятие. История Торгсина позволяет сказать, что риск и приключение сопровождали советского потребителя в повседневной жизни» [Осокина 2009, с. 335]. И все эти нервные слухи перемежались с простым, будничным, постоянным воровством товаров из торгсиновских точек. В документах пишется: «исчезли товары» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 15. Л. 95). Вокруг магазинов Торгсина орудовали и подростковые шайки спекулянтов, спекуляция осуществлялась бонами Торгсина (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 20. Л. 35 а). Это только кажется, что комсомольцы не были задействованы в этой повседневной полукриминальной жизни города. На практике в делах Торгсина можно было обнаружить сообщение о том, что «гражданин Афанасьев П.Г., член ВЛКСМ с 1927 г. 1912 г.р., по окончании трехмесячных курсов директоров универмагов ТОРГСИН, получив назначение, с работы дезертировал и скрылся неизвестно куда» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 29. Л. 8).

Интересно, что и в послереволюционный период Самара воспринималась как купеческий город. Озабоченные выполнением валютного плана деятели местного отделения Торгсина размышляли: «...хороший урожай угрожает деятельности ТОРГСИН. В целях увеличения приема ценностей контора считает своевременным и необходимым организацию скупки драгоценных камней... Принимая во внимание бывшее торгово-купеческое значение города Самары и некоторых крупных районов края и массовый приезд из столичных городов бывших состоятельных людей в связи с паспортизацией, имеются предположения, что драгоценные камни должны быть в нашем крае...» (ЦГАСО.

Ф. 1078. Оп. 31. Д. 5). В 1930-е гг. интуристы путешествовали по Волге на пароходах. «Для лучшего и лучшего обслуживания приезжающих на пароходах интуристов, средневолжской конторой открыт на пристани Самары магазин» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 31. Д. 61).

У М. Булгакова в «Мастере и Маргарите» описываются товары Торгсина в эпизоде, где магазин посещают Коровьев и Бегемот: «Сотни штук ситцу богатейших расцветок виднелись в полочных клетках. За ними громоздились миткали и шифоны и сукна фракные. В перспективу уходили целые штабеля коробок с обувью, и несколько гражданок сидели на низеньких стульчиках, имея правую ногу в старой, потрепанной туфле, а левую – в новой сверкающей лодочке, которой они и топали озабоченно в коврик. Где-то в глубине за углом пели и играли патефоны» (Булгаков 1984, с. 265). В Самарском краевом отделении Торгсина сохранился перечень товаров, отправленных в Орское агентство: «...пике белая, платки носовые, креп-дешин, фуляр, плюш, карамель, печенье, сыр голландский, сигары, папиросы, пластинки патефонные, велосипед дамский, спирт, коньяк, шампанское, портвейн, ликер, скатерть, мыло японское, мыло туалетное, 9 наименований мыла» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 31. Д. 61). Если задуматься, то все наименования торгсиновских товаров, будь то Сызранский универмаг Торгсин, говорят о дефиците самого необходимого для нормальной жизни горожан в XX веке: «...мука, крупа, хлеб, сахарный песок, колбаса и копчености, масло, рыбные товары, консервы, водочные изделия, кондитерские изделия, масло растительное, макароны, чай, бакалея, обувь, белье, ткани» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 369. Л. 8). Уровень жизни горожан в 1930-е гг. по материалам Торгсина порой напоминает рассказы М. Зощенко в плане анекдотичности и грусти. В самарский Торгсин пришла телеграмма из Саранска: «Жена приехала пайком разрешения нет дети голодуют ускорьте высылку лопатов» (ЦГАСО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 375. Л. 168).

Заключение

Е. Осокина в своей книге о Торгсине делает интересный вывод о «радикальном повороте государственной политики к вещизму и одобрению потребительских ценностей, произошедшем в середине 1930-х гг.» [Осокина 2009, с. 335]. Если рассматривать мещанскую культуру русского города, особенно такого торгово-«благоспешного» города, каким была Самара в дореволюционный период, становится ясно, что сословная категория «мещанства», превращенная в качественную характеристику души, – явления одного порядка, связанные с важностью такой ценности, как вещь. Накопление горожанами вещей, разорванное в некоторой степени революцией и первыми послереволюционными годами, эстетизация вещи, сакрализация вещи, бережливость, накопление, желание обустроить свой городской дом, наполнить его ую-

том, вещизм как текст поведения противопоставлялись новой советской официальной культурой пролетариату, которому «нечего терять, кроме собственных цепей», и крестьянству, чей вещный мир несколько иной, чем мир горожанина-мещанина. Новая официальная социальная сигналетика города делала «невидимкой» то, что оставалось в реальной повседневной жизни, – «вещизм» и «мещанство», приоткрытые на время нэпом и деятельностью Торгсина. Есть эмоции акторов, направленные на нечто великое, на государство, на идеи, к примеру. А есть эмоции, связанные с мыслями о повседневном выживании. Есть эмоции любви акторов к героям и великим свершениям. А есть эмоции любви к комфорту, теплу, еде, красивым нарядам. Героическое и великое оставляют более четкий след в исторических источниках. А то, что кажется повседневным, ничтожным, неважным, менее заметно и выражено. В этой связи данная статья ставила своей целью не проанализировать деятельность Торгсина в провинциальной Самаре и ее округе, а показать, как в контексте определенной стратегии власти, задающей систему координат для маленького человека, обнаруживаются социальные практики, имеющие глубокие социальные корни предшествующего периода, и как действуют культурные мифы, превращающие реальную социальную среду русского города в «невидимку» «Большого Нарратива».

Источники фактического материала

Булгаков, 1984 – Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. М.: Современник, 1984. 367 с.

ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области.

Библиографический список

Аккуратов 2002 – Аккуратов Б.С. Феномен мещанства в российской общественно-политической мысли и политической теории: дис. ... канд. ист. наук. Казань. 2002. 182 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-meshchanstva-v-rossiiskoi-obshchestvenno-politicheskoi-mysli-i-politicheskoi-teorii>.

Кобозева 2013 – Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013. 608 с. URL: <http://rushist.samsu.ru/books1/kobozeva.pdf>.

Кобозева 2014 – Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 738 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/meshchanskaya-povsednevnost-provintsialnykh-gorodov-rossii-vo-vtoroi-polovine-xix-v-nachale>.

Кошман 2018 – Кошман Л.В. Город в пореформенной России. Социокультурные и правовые аспекты. М., 2018. 192 с.

Кухер 2012 – Кухер К. Парк Горького: культура досуга в сталинскую эпоху, 1928–1941 / пер. с нем. А.И. Симонова.

М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 349 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2770034/5c6c7a>.

Лебина 2015 – *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От вселенского коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с. URL: <http://e-libra.ru/read/373264-covetskaya-povsednevnost-normy-i-anomalii-ot-voennogo-kommunizma-k-bol-shomu-stilyu.html>.

Лейбович 2008 – *Лейбович О.Л.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 395 с. URL: <http://www.fedy-diary.ru/oleg-lejbovich-v-gorode-m-ocherki-socialnoj-povsednevnosti-sovetskoj-provincii-v-40-50-x-godax-1>.

Ленин 1970 – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Издательство полит. лит., 1970. Т. 43. 553 с. URL: http://politazbuka.info/downloads/Knigi/lenin_sow_5th_edition_ru_vol_43.pdf.

Людтке 2010 – *Людтке А.* История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с. URL: https://www.studmed.ru/lyudtke-a-istoriya-povsednevnosti-v-germanii-novye-podhody-k-izucheniyu-truda-voyny-i-vlasti_33194278045.html.

Маяковский 1956 – *Маяковский В.В.* Полное собр. соч.: в 13 т. М., 1956. Т. 2. URL: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms2/ms2.html>.

Осокина 2009 – *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 592 с. URL: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/e-osokina-zoloto-dlya-industrializacii-torgsin-chast-i>.

Савченко 2012 – *Савченко В.А.* Неофициальная Одесса эпохи нэпа (март 1921 – сентябрь 1929). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 287 с. URL: <http://kraeved.od.ua/book/s/savchenko2.php>.

Фицпатрик 2011 – *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Панфиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 375 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2948482/b6ae81>.

References

Akkuratov 2002 – *Akkuratov B.S.* Fenomen meshchanstva v rossiiskoi obshchestvenno – politicheskoi mysli i politicheskoi teorii: dis. ... kand. ist. nauk [Phenomenon of philistinism in Russian socio-political thought and political theory: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Kazan, 2002, 182 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-meshchanstva-v-rossiiskoi-obshchestvenno-politicheskoi-mysli-i-politicheskoi-teorii> [in Russian].

Kobozeva 2013 – *Kobozeva Z.M.* Meshchanskoe soslovie g. Samary v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.), ili Rasskaz o «dushe s povinnostyami» [Petty-bourgeois class of the city of Samara in the space of power and everyday life (second half of the XIX – early XX centuries), or the Story about the «soul with duties»]. Samara, 2013, 608 p. Available at: <http://rushist.samsu.ru/books1/kobozeva.pdf> [in Russian].

Kobozeva 2014 – *Kobozeva Z.M.* Meshchanskaya povsednevnost' provintsial'nykh gorodov Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk [Bourgeois everyday life of the provincial cities of Russia

in the second half of the XIX – early XX centuries: Doctoral of Historical Sciences thesis]. Saratov, 2014, 738 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/meshchanskaya-povsednevnost-provintsialnykh-gorodov-rossii-vo-vtoroi-polovine-xix-v-nachale> [in Russian].

Koshman 2018 – *Koshman L.V.* Gorod v poreformennoi Rossii. Sotsiokul'turnye i pravovye aspekty [The city in post-reform Russia. Sociocultural and legal aspects]. M., 2018, 192 p. [in Russian].

Kucher 2012 – *Kucher K.* Park Gor'kogo: kul'tura dosuga v stalinskuyu epokhu, 1928–1941. Per. s nem. A.I. Simonova [Gorky Park: leisure culture in the Stalin era, 1928–1941]. Translation from German by A.I. Simonov]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, 349 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2770034/5c6c7a> [in Russian].

Lebina 2015 – *Lebina N.* Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot vselenskogo kommunizma k bol'shomu stilyu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From global communism to great style]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 488 p. Available at: <http://e-libra.ru/read/373264-covetskaya-povsednevnost-normy-i-anomalii-ot-voennogo-kommunizma-k-bol-shomu-stilyu.html> [in Russian].

Leibovich 2008 – *Leibovich O.L.* V gorode M. Ocherki sotsial'noi povsednevnosti sovetskoi provintsii v 40–50-kh gg. [In the city of M. Essays on the social everyday life of the Soviet province in the 40–50-ies]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008, 395 p. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/oleg-lejbovich-v-gorode-m-ocherki-socialnoj-povsednevnosti-sovetskoj-provincii-v-40-50-x-godax-1> [in Russian].

Lenin 1970 – *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. [Complete works. 5th edition]. M.: Izdatel'stvo polit. lit., 1970, Vol. 43, 553 p. Available at: http://politazbuka.info/downloads/Knigi/lenin_sow_5th_edition_ru_vol_43.pdf [in Russian].

Ludtke 2010 – *Ludtke A.* Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti [Everyday History in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and Power]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2010, 271 p. Available at: https://www.studmed.ru/lyudtke-a-istoriya-povsednevnosti-v-germanii-novye-podhody-k-izucheniyu-truda-voyny-i-vlasti_33194278045.html [in Russian].

Mayakovsky 1956 – *Mayakovsky V.V.* Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete works: in 13 vols.]. M., 1956, Vol. 2. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/default.asp?feb/mayakovsky/texts/ms0/ms2/ms2.html> [in Russian].

Osokina 2009 – *Osokina E.A.* Zoloto dlya industrializatsii: «TORGSIN» [Gold for industrialization: «TORGSIN»]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009, 592 p. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/e-osokina-zoloto-dlya-industrializacii-torgsin-chast-i/> [in Russian].

Savchenko 2012 – *Savchenko V.A.* Neofitsial'naya Odessa epokhi nepa (mart 1921 – sentyabr' 1929) [Unofficial Odessa of the NEP era (March 1921–September 1929)]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012, 287 p. Available at: <http://kraeved.od.ua/book/s/savchenko2.php> [in Russian].

Fitzpatrick 2011 – *Fitzpatrick S.* Sryvaite maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka. Per. s angl. L.Yu. Pantinoy [Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. Translation from Russian by L.Yu. Pantina]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011, 375 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2948482/b6ae81> [in Russian].